

А. Н. Островский в Калининской области

ТВОРЧЕСТВО Островского является замечательным вкладом не только в русскую национальную, но и в мировую культуру. Его пьесы до сих пор не сходят со сцены и сохраняют высокую идейную и художественную силу. Этой силы Островскому удалось достигнуть потому, что в основе его драм и комедий лежала глубоко познанная жизненная правда и что писатель в течение всей своей деятельности оставался верен прогрессивному демократическому мировоззрению.

Немаловажную роль в изучении Островским русской жизни своего времени сыграло и длительное пребывание его в нашем крае. Состоялось оно при особых обстоятельствах. В середине 50-х годов прошлого столетия морское министерство решило организовать литературно-этнографическую экспедицию в Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Волгу и в Приднэпровье «для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в «Морской сборник». К участию в экспедиции были привлечены видные литературные силы: Островский, Писемский, поэт М. Михайлов, Афанасьев-Чужбинский и С. Максимов. Островскому досталось исследование верхнего течения Волги.

Островский провел в нашем крае около четырех с половиной месяцев — с 18 апреля до конца августа 1856 года. Кроме Твери, он посетил Торжок, Осташков, Ржев, Зубцов, Старицу, Корчеву, Кимры, Калязин и ряд сел и деревень. В течение всего этого времени он вел дневник, в который записывал свои наблюдения, встречи, беседы, зарисовки пейзажа. Результатом поездки были его очерки «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода».

В поездках по Тверской губернии Островского интересовали быт, нравы и характеры людей разных сословий и классов, но преимущественно внимание писателя было направлено на положение трудящихся, их промыслы и ремесла. Сквозь сдержанный тон повествования явственно проступает глубокое сочувствие писателя-демократа бесправному и бедственному положению угнетенных масс.

В Твери Островский посетил все районы города: был в Заволжье, за Тьмакой, в Затверечье, осматривал бумагопрядильную фабрику Каулина и Залогина, основанную в 1853 году, знакомился с судостроением, рыболовством. «В будничные дни вы в Твери не заметите на улицах никакой жизни, — писал Островский, — как будто все вымерло». На набережной Волги он видел гуляющими лишь представителей богатого класса: дам, катающихся в колясках, пьяных офицеров да купчих. Простым людям лишь представляется богатого класса: дам, катающихся в колясках, пьяных офицеров да купчих. Простым людям лишь представляется богатого класса: дам, катающихся в колясках, пьяных офицеров да купчих. Простым людям лишь представляется богатого класса: дам, катающихся в колясках, пьяных офицеров да купчих.

Не этими ли наблюдениями подсказаны драматургу слова Кулигина в «Грозе»: «Бедным гулять, сударь, некогда, у них день и ночь работа. И спят-то всего часа три в сутки».

В каждом приволжском населенном пункте Островский с большим интересом присматривался к рыболовству; это входило, во-первых, в круг его обязанностей как члена экспедиции, а, во-вторых, он и сам был страстным рыболовом.

В Твери рыболовство не имело развития. Некоторое оживление наблюдалось только после вскрытия рек, когда берега Волги и Тьмаки были усеяны рыболовами, большими и маленькими, с удочками. «Не думайте, что это праздная забава свободных людей в праздное время, — писал Островский. — Нет. При бедности тверских мещан, если мальчик натаскает в день небольшой кувшинчик уклейки, и то уж в доме подспорье».

3 мая Островский выезжал из Твери в Городню, которая произвела на него сильное впечатление. До XVII века на месте, где теперь расположено это село, стоял цветущий русский городок, от которого сохранилась на обрыве лишь старая церковь, воздвигнутая в XIII веке, да глубокий ров, которым она была обведена. Здесь когда-то произошло «литовское разорение», т. е. польско-литовская интервенция, и городок заглох. С круглого обрывистого берега Островский любовался прекрасными окрестностями Городни.

На пути в Торжок Островский останавливался в Медном и собрал необходимые сведения о нем. В Медном в те времена была пристань, где грузились суда для отправки в Петербург через Вышневолоцкую водную систему; в селе жило много лодчанов и коноводов, как впрочем и в других деревнях и селах, расположенных по Тверце.

В Медном писатель застал ярмарку: «Посреди села стояло несколько небольших палаток: в одних пряники, а в других платки и ситцы, «красный товар» в полном смысле слова, да ящика два с медными серьгами, оловянными кольцами и разноцветными тесемками — вот и все».

По прибытии в Торжок Островский спешил получить общее представление о городе и приходит к выводу, что «Торжок один из красивейших городов Тверской губернии». В своем дневнике он записывает: «Ходили по городу, который расположен на горах. Вид с бульвара на ту сторону Тверцы выше всякой похвалы».

Во времена Островского в Торжке было значительно развито судостроение, солодовенная и кожевенная промышленность, золотошвейное мастерство, которое шло, однако, к упадку. «Торжок истари славится производством козлов и сафьянов, — писал Островский, — и в этом отношении уступает только Казани и Москве... Работа вещей прочна и красива, но цена, незначительности требовая, не высока; не заплатил за две пары туфель, одни из разноцветного сафьяна, другие из бархата, шитые золотом, 3 рубля серебром».

Островский подчеркивает, что различные виды промысла и производства обогащали лишь, именитых купцов и

промышленников, которые обрекали честных тружеников на жалкое прозябание. «Несмотря на то, что промышленность в Торжке развита значительно, в быте мещан довольства не заметно, — указывал Островский; — значит и здесь труд дешев и не всем рукам достает работы». В обычаях, языке и костюмах жителей Торжка писатель заметил существенную разницу против других городов.

Из Торжка Островский направился в Осташков. Проезжая по глухим и малонаселенным местам, он был поражен бедностью и беспросветной темнотой местных крестьян. Островский встречал деревни, в которых не было ни одного грамотного человека.

В Осташкове и Осташковском уезде Островский ознакомился с рыбными промыслами, отметив, что осташковские жители — «первые рыбаки в губернии и в России», ездил смотреть Нилуవు пустынь, побывал у истоков Волги, до которых добрался с большим трудом.

Из Осташкова путь Островского лежал на Ржеву, через Ельцы, Сытьково, Бочарово и Бахмутово. «В Ситкове, — пишет Островский, — содержатель постоялого двора, толстый мужик с огромной седой бородой, с глазами колдуна, не пустил нас; у него гуляли офицеры с его дочерьми, которых пять». Этот эпизод после послужил драматургу поводом к написанию комедии «На бойком месте».

В Ржеве у Островского нашлись знакомые: Е. Н. Бастамова и А. И. Филиппов, с которыми он сошелся через своих друзей по кружку, группировавшемуся вокруг «молодой редакции» «Москвитянина». Они свели его с рядом других видных жителей Ржева. Островский осматривал город, прядильную фабрику Мельникова, построенную барку, выезжал за город, интересовался сплавленными работами. На полях своего дневника он записал: «Ржев поражает высоким местоположением, просаками, костюмами женщин». Просаками назывались станки для кручения веревки; они устанавливались на улицах и затрудняли движение. Костюмы же, очевидно, поражали своей стариной, так как Ржев был одним из крупных центров старообрядничества.

В Ржеве Островский вынужден был сделать визит соборному протоиерею Матвею Константиновскому, сыгравшему реакционную роль в творческой жизни Гоголя. После встречи с ним Островский не без иронии писал, что отец Матвей «говорил... об усилиях дьявола против него и о раскольниках».

Из Ржева писатель отправился вниз по Волге. В Зубцове и Старице он останавливался ненадолго. В Старице он обратил внимание на древний вал и устроившие в нем кузницы, беседовал со стариком-кузнецом, который поведал ему о старинных каменоломнях, предание об Иване Грозном и соорбил, что в Волге впаде попадется в саборил, что

Вернувшись в Тверь, Островский через некоторое время выехал в Корчеву, побывал в Кимрах и, наконец, 3 июля приехал в Калязин. В Калязине с ним произошло несчастье: при выезде из города лошади испугались, тарантас, в котором ехал писатель, опрокинулся и своей тяжестью расшиб ему ногу. Островский не мог продолжать путешествие. Только в конце августа и то с великими страданиями он мог приехать в Москву.

Пребывание в Тверской губернии обогатило Островского яркими впечатлениями, позволило ему ближе познакомиться с жизнью народа и еще лучше узнать «темное царство» купцов-самодуров, промышленников и чиновников. Известно также, с каким вниманием и любовью изучал он сокровища русского языка и записывал поразившие его меткостью, точностью и новизной отдельные слова и выражения. Хорошо знавший драматурга писатель С. Максимов в своих воспоминаниях писал о нем: «Родную речь он любил до обожания, и ничем нельзя было больше порадовать его, как сообщением нового слова или неслыханного им такого выражения, в которых рисовался новый порядок живых образов или за которыми скрывался неизвестный цикл новых идей». Самый текст и поля его дневника испещрены словами и выражениями, которые он слышал в Тверской губернии; писатель приступил даже к составлению «Волжского словаря».

Впечатления, вынесенные Островским из поездки по Тверской губернии, нашли отражение в ряде его пьес, особенно в «Грозе» и «На бойком месте», хотя в подобных утверждениях следует быть весьма осторожным, чтобы не впасть в главный «местный патриотизм», можно говорить лишь об отдельных мотивах и деталях, а не о произведении в целом. В своих драмах и комедиях А. Н. Островский, опираясь на глубокое знание жизни, давал широкие художественные обобщения, не сводя ни одной пьесы к натуралистическому изображению.

Вполне возможно, что красота волжских просторов, которыми любитесь Кулигин в «Грозе», является отражением тех чудесных волжских пейзажей, которые наблюдал сам драматург в Городне, Ржеве и других местах Тверской губернии.

Разговоры в «Грозе» о работе золотом по бархату, о литовском разорении могли быть навеяны драматургу его пребыванием в Торжке и Городне.

Не игнорируя этих мотивов и деталей, надо помнить главное: что великий драматург в своем творчестве глубоко отразил общественные противоречия всей русской жизни своего времени, что, горячо и искренно обличая эксплуататорский строй, он боролся за освобождение русского народа от гнета помещиков и капиталистов и этим обеспечил непреходящую общественную и художественную силу своих произведений.

Н. ПАВЛОВ,

доцент Калининского государственного педагогического института имени М. И. Калинина.